

Бочан Светлана Александровна

ЖЕНЩИНА КАК СУБЪЕКТ ТАИНСТВЕННЫХ ПРАКТИК В ДОКОЛХОЗНОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГГ.

В статье освещаются гендерные аспекты традиционных магических практик. Рассматриваются основные причины появления колдовства, магии, ведовства в советской доколхозной деревне. Анализируется деятельность колдуний, ведьм и знахарок. На реальных примерах автор выявляет отношение крестьянства к субъектам таинственных практик. В результате исследования делается вывод о популярности знахарства и колдовства в сельском социуме 1920-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

SOCIAL POLICY OF THE YENISEI INLAND NAVIGATION COMPANY IN THE SECOND HALF OF THE 80S OF THE XX CENTURY

Akhtamov Evgenii Aleksandrovich

*Siberian Federal University
akhtamov@gmail.com*

The article examines the social policy of the Yenisei inland navigation company in the period of the twelfth five-year plan. The author describes such spheres of social policy as building houses and social infrastructure facilities, building volume. The paper analyzes the factors that influenced the outflow and consolidation of the staff, focuses on the activity on accident prevention at work, the improvement of working conditions, cultural and educational work at the navigation company enterprises.

Key words and phrases: the Yenisei inland navigation company; social policy; social infrastructure; staff consolidation; injury prevention; production standards; cultural and educational activity; food supply.

УДК 94(47).084:316.811

Исторические науки и археология

В статье освещаются гендерные аспекты традиционных магических практик. Рассматриваются основные причины появления колдовства, магии, ведовства в советской доколхозной деревне. Анализируется деятельность колдуний, ведьм и знахарок. На реальных примерах автор выявляет отношение крестьянства к субъектам таинственных практик. В результате исследования делается вывод о популярности знахарства и колдовства в сельском социуме 1920-х гг.

Ключевые слова и фразы: колдунии; ведьмы; знахарки; крестьянство; деревня.

Бочан Светлана Александровна, к. филос. н.

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова
bochan800@mai.ru*

ЖЕНЩИНА КАК СУБЪЕКТ ТАИНСТВЕННЫХ ПРАКТИК В ДОКОЛХОЗНОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГГ. ©

Исследование повседневности крестьянства в 1920-е годы зафиксировало сложное сочетание моментов стабильности и перемен, традиций и новаций в сознании крестьян. В крестьянской психологии большое значение имело религиозно окрашенное восприятие мира, природы, себя самого, сочетая фантастические представления и традиционные взгляды с индивидуальным пониманием и осмыслением окружающей действительности [5, с. 39-40].

На основе чувств, эмоций, настроений, вызванных социально-бытовыми условиями жизни у крестьян, эпизодически происходил всплеск религиозности, доходящий до мистицизма. Наиболее ярко проблему религиозного сознания раскрывает А. С. Жулаева, привлекая большой комплекс документальных источников, указывая, что в период засухи, неурожайного года наблюдалось усиление религиозных настроений в массах, которые выражались в молебствиях и религиозных шествиях [1, с. 80]. Зависимость от природной стихии стала следствием возникновения многочисленных примет, служивших земледельцу на пользу, одушевление и обожествление сил природы, преклонение перед ними, стремление их задобрить, «договориться» с ними, дабы получить богатый урожай, сохранить скотину и приплод, обеспечить существование свое и своей семьи. В этом смысле, православный крестьянин XIX в. и даже житель доколхозной советской деревни мало чем отличался от своего далекого предка-язычника.

Вышеотмеченное отношение к природе являлось основой появления магии, ведовства, колдовства, то есть неких особых таинственных практик, которые, как считалось, позволяли установить связь со сверхъестественными силами и воздействовать на них с целью достичь определенных выгод, желаемых для колдунии либо же для ее клиентов. Вера в могучую силу колдовства была весьма прочной и в российской деревне, несмотря на резко негативное отношение к этому православной церкви. Подобные верования настолько глубоко укоренились среди крестьянства, что не исчезли в одночасье и в доколхозной деревне 1920-х гг., о чем и повествуется в представленной статье

Очевидно, что сохранение в доколхозной деревне поверий, связанных с магией и колдовством, объяснялось не только традиционализмом крестьянства, но и низким уровнем общей грамотности сельского населения. Дремучая неграмотность подавляющего большинства крестьян служила ведущей причиной того, что они предпочитали объяснять колдовством выходящие из ряда вон происшествия и относить к числу

колдуний, ведьм тех односельчанок, жизнедеятельность которых более или менее существенно отличалась от общепринятых в конкретном сельском социуме правил и норм. Чаще всего именно женщина, по мнению сельских жителей, считалась связанной с нечистой силой, без которой занятия колдовством представлялись немислимыми. Поэтому, в большинстве случаев, в источниках обычно упоминаются ведьмы и колдуньи, а не их коллеги мужского пола.

В одном из номеров издававшейся в Северо-Кавказском крае газеты «Молот» за март 1926 г. приведен превосходный пример того, сколь мало было нужно особо невежественным крестьянам для объявления кого-либо из односельчанок колдуньей. Корреспондент «Молота» писал, что в хуторе Аникин Каменского района Шахтинского округа Северо-Кавказского края «жила некая вдова, потерявшая на фронте своего мужа и, как видно, так сильно любившая его, что скрыла себя в четырех стенах своей жалкой хатенки, изредка выгоняя скот на пастбище». Как мы уже отмечали выше, тот или иной житель села вполне мог прослыть колдуном в том случае, если стремился вести уединенную жизнь и мало общался с соседями: так случилось и с крестьянкой из хутора Аникин. Среди хуторян «про нее стали ходить слухи, что по вечерам в ее доме собираются разные духи и устраивают свои пляски. Граждане заверяли своих соседей, что воочию видели, как из трубы дома вдовы не раз вылетали черти и чертенята и, как полагается, на длинной метле и что сама вдова появлялась по ночам на улице в виде собаки» [6, с. 3].

Обычно, слухами и пересудами дело и ограничивалось, но несчастной вдове из хутора Аникин не повезло: на ее беду, среди хуторян нашлись «два отставных учителя» (!), которые «решили во что бы то ни стало изловить ведьму и разоблачить перед всеми гражданами ее проделки». К выполнению этой задачи учителя приступили серьезно, составив «целый план действий». По ироничному замечанию корреспондента «Молота», доблестным борцам с нечистой силой из хутора Аникин, «как видно, не безызвестно было, что порядочная ведьма, по описанию Гоголя, а также злые духи появляются на свет божий только до 12 часов ночи, до первых петухов. Вот в это-то время храбрые учителя и стали появляться около вдовьего дома». Некоторое время добровольная вахта заканчивалась без происшествий. Но вот, «однажды поздно вечером, два друга вышли на свое дежурство и не успели подойти к воротам дома вдовы, как оттуда выскочила здоровенная собака, волочившая привязанное на веревке колесо от линейки (*легкой повозки – прим. автора – С. Б.*)». Не забудем, что хуторяне судачили, будто ведьма имеет обыкновение превращаться в собаку! Поэтому, увидав животное, да еще и с непонятно зачем привязанным к нему колесом, учителя-ведьмоборцы приступили к решительным действиям.

Недолго думая, «два приятеля ухватились за колесо, которое волочилось за несчастной собакой. При этом приятели себя осеняли крестным знамен[и]ем и, по привычке, шептали заклинания «чур меня, чур меня»». Далее роли разделились: один из учителей остался держать собаку, а второй отправился «за топором в ближайшую хату». Когда оружие было принесено, друзья бросили жребий, кому же убивать колдунью, а затем один из них, выбранный судьбой, «дрожа и шелкая зубами, направился с закрытыми глазами к собаке. Взмахнув топором, он ударил по ней изо всей силы». Однако при ударе все-таки рекомендуется открывать глаза, иначе результат будет не совсем тот, на который рассчитывает ударявший. Так и здесь: собака была ранена и, взвывая, скрылась в одном из переулков.

Неудача, впрочем, не обескуражила аникинских учителей: чиркнув спичкой, они осмотрели оставшееся в их руках колесо и увидели, что оно было забрызгано кровью несчастного животного. Дальнейший ход мыслей хуторских воителей против нечистой силы просто умиляет: они пришли к выводу, что колесо и собака представляют собой единое целое и, потому, обрушили на него град ударов. Колесо, естественно, превратилось в щепки, которые тут же были сожжены.

Затем наступил предсказуемый финал этой драматической истории. Воодушевленные первой победой, учителя решили не останавливаться на полумерах и полностью покончить с ведьмой: ведь она была ранена, но не убита, и все-таки скрылась от заслуженной расправы в образе собаки. Надо было идти к вдове-колдунье домой, где она, по мнению учителей, должна была лежать в бессознательном состоянии с отрубленной рукой или ногой (кто его знает, по какой именно части тела собаки пришлось удар топора: ведь, он наносился с закрытыми глазами!).

Врываться в дом колдуньи два хуторских героя не решились, а уполномочили на это местных сельчанок, которые «обвешали себя со всех сторон ладанками, образками» и «взяв на всякий случай с полведерка священной водички», «крестясь и подталкивая друг друга», вошли в жилище «ведьмы». Бедная вдова и впрямь была больна. «Не долго думая, делегатки решили проверить конечности больной женщины и силком потащили ее с постели». Далее, однако, наступило разочарование, ибо руки-ноги у бедной вдовы были на месте и никаких ран на теле не наблюдалось.

Вся эта история закончилась печально для хуторских последователей «Молота ведьм», уже было собравшихся почивать на лаврах: «обозленные бабы пришли к учителям и дали им хорошую взбучку за то, что смущают честной народ: один остался после этого с оторванным усом, а другой с большущим синяком под глазом. Впоследствии вся станица узнала про случай с ведьмой и почему собака бежала с колесом по улице. Вдова жила одна в своей хибарке и очень часто для безопасности снимала колесо с линейки, а к ней привязывала свою собаку, чтобы та могла двигаться по двору, но не убежать» [Там же, с. 4].

Вместе с тем, ситуация с колдовством и ведьмовством в доколхозной деревне отнюдь не ограничивалась анекдотичными случаями, подобными вышеописанному. Конечно, подавляющее большинство крестьян и крестьянок ряд ли восторгались тем, что соседи обвиняли их в колдовстве. Однако во все времена находились

люди, умевшие использовать суеверия к собственной выгоде. Нашлись они и в советской деревне эпохи нэпа, поскольку в источниках неоднократно встречаются упоминания о том, что отдельные сельские превращают колдовство в выгодное занятие. Так, в одном из номеров журнала «Красная нива» за 1925 г. некий «фотоселькор» Смотряков поместил фотографию, на которой был запечатлен один из моментов деятельности сельской «знахарки-колдуньи», 85-летней цыганки по прозвищу Ландиха. Согласно помещенному под фото тексту, снимок был сделан в селе Покрова Бельского уезда Смоленской губернии (упоминались также Духовщинский и Сычевский уезды Смоленщины, в которых «фотоселькор» наблюдал сходные ритуалы). Крестьяне «этих отсталых уездов», констатировал Смотряков, «верят в загробную жизнь и колдунов, которые могут помочь во всех несчастьях, а при желании могут сделать и зло даже и заведомо правому человеку» [3, с. 831].

Колдунья, сфотографированная Смотряковым, предсказывала будущее крестьянской девушке, выходящей замуж. Кроме того, на том же снимке, «фотоселькор» запечатлел, так сказать, «орудия труда» знахарки: «на столе у такой –жолдуны” лежит топор, совок, горлач (*кувшин с высоким горлом – прим. автора – С. Б.*) с молоком. Топор – заговор против суда за порубку леса. Совок – чтобы была спорость в хлебе. Горлач с молоком – если у коровы пропало молоко, то производится колдовство для того, чтобы корова вновь стала давать молоко». Здесь же описывался ритуал, призванный спасти от суда крестьян, виновных в незаконной порубке леса. Согласно ритуалу, крестьянка-просительница должна была принести колдунье курицу, «которой при помощи тут же лежащего топора должны отрубить голову, каковую виновник должен съесть в вареном виде, но без соли. Кровью курицы надо вымазать ручку топора, тогда можно избежать кары за лесохощение». Колдунья уверяла, что виновник будет оправдан, ибо теперь «вся вина ложится на обезглавленную курицу» (которая, естественно, поступала в полное распоряжение знахарки, пополняя меню последней) [Там же, с. 381].

В том же журнале описывались и еще более удивительные случаи торговли нечистой силой. Отмечалось, что в Вятской губернии «прохожий татарский коробейник торгует кикиморами оптом и враздробь, как всякою другою живностью. Он продал колдунье Марухе три пары кикимор за десять пудов муки». Колдунье же эти злобные сказочные существа, которых она посадила «в бутылку и кормит мухами», необходимы в работе. Ведь, «каждый желающий может заплатить затем, чтоб Маруха посадила кикимору в кого вам угодно: в лютого обидчика, в девицу-недотрогу, можно посадить на полгода, а можно и на вечность. Маруха сажает кикимор и возвращает их обратно. А ночью, в темноте, они вылезают из бутылки, и бегают по избе и фурчат: —Фр, фрр, фрр!...” – Тогда мы лежим на печке и боимся шевельнуться, – рассказывает дочка Марухи, – а мама на лавке лежит и в папироску курит». Не беда, что на дворе стоял XX век: главное, чтобы находились люди, готовые верить в могущество сказочных кикимор! И, как видим, такие люди находились, в связи с чем, в деревне разводить кикимор было выгоднее, чем кроликов, поскольку «за них платят дороже. А продают их парами, как цыплят» [4, с. 557].

Деревенская магия славилась еще и большим количеством знахарок, которые, в основном, занимались лечением. Заговорами, травами, определенными обрядами как им казалось, вылечивали болезни, снимали порчу и сглазы. В одном из номеров журнала «Крестьянка» за сентябрь 1924 г. был описан случай молодой крестьянки, у которой заболел пятимесячный ребенок. Понимая, что ее ребенок очень болен «весь горел, тяжело дыша и по временам издавая слабые стоны» она не идет к доктору, а обращается за советами к бабкам, соседкам, которые по их словам подняли на ноги большое число детей. Стали они предлагать различные способы лечения «к доктору ходить не надо, ему только деньги лишние платить, поймите черную собаку искупайте ее, да после этого скупайте ребенка, так сразу лучше будет». Естественно в скором времени родители ребенка нашли черную собаку и провели указанную им процедуру, но обнаружили, что ребенку стало хуже. Удивительно, что в этой ситуации родители опять не везут ребенка к доктору, а обращаются за советом уже к другому чудо-целителю, та дает еще совет «ах, да что вы наделали-то, да к ней приключиться собачья старость. Идите скорей, соберите с трех хат муки, испеките блин большой, большой вырежьте середину, да и протяните ее сквозь середину-то, вот тогда и верно лучше будет». В скором времени и это было сделано, абсурдно то, что родители, видя тяжелое состояние ребенка, бегут к соседке-знахарке и она подсказывает еще один метод лечения «возьмите скорей и перенесите через три моста, болесь-то останется за мостами» [2]. Обессилевшие родители переносят ребенка через три моста, болезнь на самом деле оставляет его – он умирает.

Итак, в 1920-х гг. колдуньи, ведьмы, знахарки являлись основными субъектами таинственных практик и вполне обычными членами крестьянских миров Советской России, более многочисленными, чем, скажем, учителя. В сельском социуме эти женщины имели популярность и советской власти потребовались титанические усилия в деле просвещения сельского населения, дабы покончить с прежним могуществом колдовства и знахарства.

Список литературы

1. Жулаева А. С. Религиозность сибирских крестьянок в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 79-81.
2. Кухарева. В глуши // Крестьянка. 1923. № 16. С. 9.
3. Смотряков. Старый быт и остатки суеверий // Красная нива. 1925. № 35. С. 381-383; 831-834.
4. Тан. Два лица. Очерки современной деревни // Красная нива. 1925. № 24. С. 557-558.
5. Традиционные верования и быт народов Сибири / под ред. И. Н. Челуева. Новосибирск: Наука, 1987. 220 с.
6. Юрагов. Как Аникинские учителя убили ведьму // Молот. 1926. 3 марта.

WOMAN AS SUBJECT OF MYSTERIOUS PRACTICES IN BEFORE-KOLKHOZ SOVIET VILLAGE OF THE 1920S

Bochan Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
Platov South Russian State Polytechnic University
bochan800@mai.ru

The article highlights the gender aspects of traditional magical practices. It considers the main causes of witchcraft, magic, sorcery appearance in the soviet before-kolkhoz village. The activity of sorceresses, witches and wise women is analyzed. By real-life examples the author reveals the attitude of the peasantry to the subjects of mysterious practices. The study concludes about the popularity of sorcery and witchcraft in the rural society of the 1920s.

Key words and phrases: sorceresses; witches; wise women; peasantry; village.

УДК 94+323.173

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению событий, происходивших в Синьцзяне в первой половине 1930-х гг. и связанных с национально-освободительным движением коренных народов региона. Особое внимание уделено вооруженной борьбе уйгуров и дунган (хуэйцзу) с китайским правительством. В работе рассматриваются причины и предпосылки движения и факторы его поражения. Национальное движение народов Синьцзяна в 1930-е гг. проходило в условиях обострения этнополитических и этносоциальных противоречий и имело большое значение как в истории Китая, так и в сфере региональных международных отношений.

Ключевые слова и фразы: Синьцзян; национальное движение; уйгуры; дунгане (хуэйцзу); ханьцы; Ходжа Нияз; Ма Чжунин.

Буяров Дмитрий Владимирович

Благовещенский государственный педагогический университет
byarov_d@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИНЬЦЗЯНА В 1931-1934 ГОДАХ©

Синьцзян, насильственно включенный в состав Цинской империи в середине XVIII в., продолжал оставаться очагом нестабильности и в последующее время. Ведущим фактором внутривосточного развития Синьцзяна на протяжении долгого времени являлось противостояние коренных народов и китайских властей, осуществлявших политику колонизации. Население региона всегда было многонациональным. Из более чем полутора десятка этносов выделялись основные: уйгуры, дунгане (хуэйцзу), казахи, киргизы, монголы. Для этих традиционных народов были характерны родственно-клановые, этнические и религиозные ценности, которые, как правило, не учитывались и нарушались ханьскими властями, что провоцировало периодические национально-освободительные движения в XIX – первой половине XX в.

В конце 1920-х гг. положение народов Синьцзяна ухудшается, что было обусловлено рядом факторов. Наблюдался резкий рост налогообложения в условиях беспредела дущюната. Ухудшалось положение большинства крестьянства, страдавшего не только от налогового бремени, но и терявшего лучшие земли, которые стали раздаваться ханьцам. Все это сопровождалось произволом китайской армии и нарушением национальных традиций мусульманского населения. Ситуация в Синьцзяне ухудшилась после убийства губернатора провинции Ян Цзэнсиня в 1928 г., поскольку новый губернатор – Цзинь Шужэнь начал проводить более интенсивную политику китаизации (ханизации). Командный состав армии и чиновники, среди которых были и представители коренных народов, стали заменяться ханьцами из Ганьсу. Был введен ряд государственных монополий, стала сворачиваться торговля с Центральной Азией, а также была спровоцирована инфляция [9, с. 356].

К факторам начала восстания следует отнести и политические шаги Цзинь Шужэня, которые вели к ухудшению социально-экономической обстановки. Так, в марте 1930 г. было упразднено Хамийское ханство, а на его территории было образовано два уезда, в которых ханьские войска стали осуществлять грабеж населения, при этом особенно страдали уйгуры [Там же, с. 357]. В результате начинают сплачиваться такие слои населения, как аристократия, духовенство, купечество, ремесленники и крестьяне.

Восстание началось в апреле 1931 г. Выступление в Хами было поддержано жителями Баркуля, Турфана и Гучена. Очень быстро во главе стихийного движения встали представители знати, среди которых выделялись Ходжа Нияз, офицер охраны умершего хамийского хана, а на тот момент управляющий хозяйством, и Юлбарс-хан, бывший хамийский советник [7, с. 430]. Они объединили под своим командованием уйгуров и казахов и обратились за помощью к бывшему военному правителю провинции Ганьсу генералу Ма Чжунину, командовавшему отрядами дунган.